

Конни Уиллис Гостиница

Пер. - Н.Магнат.

Служба в канун Рождества. Прозвучали последние аккорды хорала "Приди, приди, Еммануил", и хор сел. Преподобный Уолл заковылял к кафедре, сжимая в руке пачку пожелтевших машинописных листков.

В хоре Ди повернула голову к Шерон и прошептала:

- Поехали! Двадцать четыре минуты по часам.

Сидящая справа от Шерон Вирджиния пробормотала:

- "И пошли все записываться, каждый в свой город" [Евангелие от Луки, глава 2, стих 3].

Преподобный Уолл пристроил листки на кафедре, слезящимися глазами посмотрел на свою паству и заговорил:

- "И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова. Записаться с Мариєю, обрученною ему женою, которая была беременна" [Евангелие от Луки, глава 3, стих 3].

Преподобный Уолл умолк.

- Мы ничего не знаем об этом путешествии из Назарета, - прошептала Вирджиния.

- Мы ничего не знаем об этом путешествии из Назарета, - нетвердо продолжал преподобный Уолл, - какие испытания выпали на долю молодой четы, на каких постоянных дворах они останавливались по дороге. Нам известно лишь, что в такой же вечер, как сейчас, прибыли они в Вифлеем и не хватило им места в гостинице.

Вирджиния что-то быстро писала на полях программки. Ди закашлялась.

- У тебя есть леденцы от кашля? - шепотом спросила она у Шерон.

- А куда ты дела те, что я дала тебе вчера? - прошептала в ответ Шерон.

- Хотя нам ничего не известно об их путешествии, - говорил преподобный Уолл, его голос набирал силу, - мы много знаем о мире, в котором они жили. Это был мир воинов и сборщиков податей, мир бюрократов и политиканов, мир, озабоченный вопросами собственности и власти, занятый своими делами...

Ди опять закашлялась. Порывшись в папке для нот, вытащила леденец от кашля в бумажной обертке. Развернула и сунула в рот.

- ...мир, слишком занятый своими делами, чтобы обратить внимание на неприметную пару, пришедшую издалека, - произнес нараспев преподобный Уолл.

Вирджиния передала программку с каракулями Шерон. Ди наклонилась, ей тоже хотелось прочитать. На программке было написано: "Что случилось вчера вечером после репетиции? Когда я ехала домой с ярмарки, тут были полицейские машины".

Ди схватила программку и снова начала рыться в папке. Нашла карандаш, нацарапала: "Кто-то забрался в церковь" - и передала программку Шерон и Вирджинии.

- Ты шутишь, - прошептала Вирджиния. - Их поймали?

- Нет, - ответила Шерон.

Двадцать третьего числа репетиция должна была начаться ровно в семь. Но без пятнадцати восемь хор все еще ждал, когда можно будет петь гимн, пастухи и ангелы прыгали вдоль стен, а преподобный Уолл клевал носом позади кафедры. Второй священник, преподобная Фаррисон, передвигала цветы в горшках на ступенях алтаря, чтобы освободить место для яслей, регент Роза Хендерсон, стоя на коленях, прикрепляла фанерные стволы к картонным пальмам. Пальмы уже два раза падали.

- Пожалуй, так мы проторчим здесь до завтрашней предрождественской службы. - Шерон прислонилась к двери.

- Я не могу задерживаться, - взглянув на часы, сказала Вирджиния. - Мне до девяти нужно попасть на ярмарку. Миген вдруг объявила, что хочет "Барби на школьном балу".

- Горло болит жутко, - пожаловалась Ди. - Здесь жарко или у меня поднимается температура?

- Жарко в этих балахонах, - ответила Шерон. - Зачем мы их надели? Это же репетиция.

- Роза хочет, чтобы все было в точности так же, как завтра во время службы.

- Если завтра я буду себя чувствовать в точности так же, я умру, пытаясь откашляться, заметила Ди. - Мне нельзя болеть. У меня подарки не завернуты, и я еще даже не думала, что приготовить к Рождеству на обед.

- У тебя хотя бы подарки есть, - отозвалась Вирджиния. - А мне еще надо купить что-нибудь для восьми человек. Не считая "Барби на школьном балу".

- У меня ничего не готово. Нужно написать рождественские открытки, сходить в магазин, завернуть подарки, испечь пирог. Да еще родители Билла придут, - сказала Шерон. - Ну скорей, пора начинать представление.

Роза и ангел из младшей группы хора поднимали пальмы. Деревья сильно клонились вправо, будто над Вифлеемом несея ураган.

- Так прямо? - обернувшись, крикнула Роза.

- Да, - сказала Шерон.

- Ложь в церкви, - съехидничала Ди. - Нехорошо.

- Хорошо, - взяв в руки программку, сказала Роза. - Слушайте все. Богослужение пойдет в таком порядке. Входная песнь в исполнении духового квартета, гимн, вступительная молитва, объявления; преподобная Фаррисон, здесь вы собираетесь говорить о начинании "Для малых сих"?

- Да, - ответила преподобная Фаррисон. - А можно сделать короткое объявление прямо сейчас? - Она повернулась к хору: - Если кто-нибудь хочет пожертвовать что-то еще, приносите ваши дары в церковь завтра до девяти утра. В девять мы будем раздавать подарки бездомным. Нам нужны еще одеяла и консервы. Пожертвования приносите в зал общины.

Преподобная Фаррисон прошла в дальний конец храма, а Роза продолжала:

- Объявления, "Приди, приди, Еммануил", проповедь преподобного Уолла...

Услышав свое имя, преподобный Уолл проснулся.

- А! - Он потащился к кафедре с пачкой пожелтевших машинописных листов в руке.

- Ну нет, - возмутилась Шерон. - И рождественское представление, и проповедь. Мы не уйдем отсюда до скончания века.

- Не просто проповедь. А та же самая проповедь, - сказала Вирджиния. Двадцать четыре минуты. Я ее наизусть знаю. Он читает ее каждый год с тех пор, как появился у нас.

- Он читает ее всю жизнь, - прошептала Ди. - Могу поклясться, в прошлом году я слышала, как он что-то говорил о первой мировой войне.

- "И пошли все записываться, каждый в свой город, - бубнил преподобный Уолл. - Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета..."

- Ну, это уж слишком, - прошипела Шерон. - Он что, все целиком читать собирается?

- Мы ничего не знаем об этом путешествии из Вифлеема, - продолжал старик.

- Спасибо, преподобный Уолл, - сказала Роза. - После проповеди хор поет "О город Вифлеем", и Мария с Иосифом...

- Чему учит нас история их путешествия? - все больше воодушевлялся преподобный Уолл.

Роза зашепила по проходу и поднялась на ступени алтаря.

- Преподобный Уолл, сейчас нет необходимости читать проповедь целиком.

- О чем эта история говорит нам теперь, когда мы стремимся оправиться от последствий мировой войны? - спросил священник.

Ди пихнула локтем Шерон.

- Преподобный Уолл. - Роза подошла вплотную к кафедре. - К сожалению, у нас сейчас нет времени, чтобы выслушать вашу проповедь целиком. Нам нужно сделать прогон

представления.

- А! - Преподобный Уолл собрал свои бумажки.

- Итак, - продолжала Роза. - Хор поет "О город Вифлеем", и Мария с Иосифом идут по центральному проходу.

Мария с Иосифом в купальных халатах и носках в крапинку встали в дальнем конце храма и пошли между рядами по центральному проходу.

- Пожалуй, нет, Мария и Иосиф, - передумала Роза. - По центральному проходу пойдут волхвы с Востока, а вы идете из Назарета. По боковому проходу.

Мария с Иосифом послушно пустились рысцей по боковому проходу.

- Нет, нет, помедленнее. Вы устали. Весь долгий путь из Назарета вы проделали пешком. Попробуйте еще раз.

Они отбежали назад и снова пошли, сначала неторопливо, потом опять заспешили.

- Паства их не видит, - покачала головой Роза. - Нужно освещение. Преподобная Фаррисон, мы можем осветить боковой проход?

- Ее здесь нет, - сказала Ди. - Она за чем-то пошла.

- Я ее позову. - Шерон вышла в коридор.

Мириам Берг как раз входила в комнату, где размещалась воскресная школа для взрослых, с бумажной тарелкой глазированного печенья.

- Ты не знаешь, где преподобная Фаррисон? - спросила Шерон.

- Минуту назад была в канцелярии, - ответила Мириам.

Шерон отправилась в канцелярию. Преподобная Фаррисон стояла у письменного стола и разговаривала по телефону.

- Когда приедет фургон? - Она кивнула Шерон, давая понять, что сейчас освободится. - Вы не можете выяснить?

Шерон смотрела на стол и ждала. Около телефона стояло стеклянное блюдо с леденцами от кашля в бумажных обертках, а рядом банка копченых устриц и три банки чилима. Вероятно, "для малых сих", уныло подумала Шерон.

- Через пятнадцать минут? Хорошо. Спасибо. - Преподобная Фаррисон повесила трубку. - Минуточку, - сказала она Шерон и пошла к входной двери.

Преподобная Фаррисон открыла дверь и высунула голову наружу. Шерон обдало холодным воздухом. Наверное, пошел снег.

- Фургон придет через несколько минут, - сказала кому-то преподобная Фаррисон.

Шерон через витражное стекло пыталась рассмотреть, кто там, на улице.

- Я отправлю вас в приют, - сказала преподобная Фаррисон. - Нет, вам придется подождать на улице. - И закрыла дверь. - Ну, так что вы хотели? поворачиваясь к Шерон, спросила она.

Все еще глядя в окно, Шерон сказала:

- Вас просят зайти на репетицию.

Начинался снег. Сквозь стекло хлопья казались синими.

- Сейчас приду. Тут бездомные, о них нужно позаботиться. За сегодняшний вечер это уже вторая пара. Они всегда приходят на Рождество. А в чем дело? Что-то с пальмами?

- Что? - Шерон как замороженная смотрела на падающие хлопья.

Преподобная Фаррисон проследила за ее взглядом:

- Через несколько минут за ними приедет фургон из ночлежки. Мы не можем оставить их здесь без надзора. За последний месяц было два ограбления методистской церкви, а у нас тут все пожертвования "Для малых сих".

Она показала в сторону зала общины.

"А мне казалось, что подарки именно для бездомных", - подумала Шерон.

- Они не могут подождать в храме или где-нибудь еще? - спросила она.

Преподобная Фаррисон вздохнула:

- Если их впустить, это не пойдет им на пользу. Они приходят сюда, а не в ночлежку, потому что в ночлежке у них отбирают спиртное. - Она направилась в коридор. - Зачем я

нужна?

- А, это насчет света. Роза спрашивает, можно ли осветить боковой проход для Марии и Иосифа.

- Не знаю. - Преподобная Фаррисон пожала плечами. - Здесь со светом такая неразбериха. - Она остановилась около распределительного щита, рядом с лестницей, которая вела вниз, в комнаты для занятий воскресной школы и хора. - Скажите мне, где зажжется свет.

Щелкнул выключатель. Свет в коридоре погас. Преподобная Фаррисон снова включила его. Попробовала другой рубильник.

- Это свет в канцелярии, - сказала Шерон, - и в нижнем коридоре, где занимается воскресная школа для взрослых.

- А этот?

Хористы взвизгнули. Дети завопили от радости.

- Подходит, - сказала Шерон. - Вот и освещение бокового прохода. - Она крикнула вниз: - Ну как?

- Прекрасно, - ответила было Роза. - Нет, подождите. Орган отключился.

Преподобная Фаррисон нажала еще какую-то кнопку, и орган со стоном проснулся.

- Теперь погасли лампы в боковых проходах, - заметила Шерон, - и на кафедре.

- Я говорила, что с этим светом одна морока. - Преподобная Фаррисон щелкнула еще одним выключателем. - А сейчас?

- Потух фонарь на крыльце.

- Хорошо. Так и оставим. Может, это отпугнет бездомных. На прошлой неделе преподобный Уолл разрешил бездомному подождать в помещении, а тот помочился на ковер в воскресной школе для взрослых. Ковер пришлось сдать в чистку. - Она с укором посмотрела на Шерон. - С этими людьми нельзя поддаваться состраданию.

"Нельзя, - подумала Шерон. - Иисус поддался состраданию, и смотрите, что с ним сделали".

- Хозяин гостиницы мог прогнать их, - нараспев читал преподобный Уолл через двадцать минут после начала предрождественской проповеди. - Он был занят, и гостиница была переполнена путешественниками. Он мог закрыть дверь перед Марией и Иосифом.

Вирджиния наклонилась к Шерон и Ди:

- Человек, который залез в церковь, взял что-нибудь?

- Нет, - сказала Шерон.

- Он написал на пол в детской, - прошептала Ди.

Преподобный Уолл смущенно умолк и взглянул на хор.

Ди громко закашлялась и закрыла рот рукой, чтобы заглушить кашель. Преподобный Уолл слабо улыбнулся ей и повторил:

- Хозяин гостиницы мог прогнать их.

Ди немного подождала, затем открыла сборник церковных гимнов на том месте, где лежала программка, и застрочила карандашом. Она передала программку Вирджинии, та прочитала и отдала Шерон.

"Преподобная Фаррисон думает, что несколькими бездомным удалось проникнуть в храм, - сообщали каракули на программке. - Еще они сломали пальмы, приготовленные для представления. Сорвали их с планок. Можете себе представить, кто на такое способен?"

- Подобно хозяину гостиницы, нашедшему место для Марии и Иосифа в тот канун Рождества, много лет назад, - закругляясь, сказал преподобный Уолл, - найдем и мы в наших сердцах место для Христа. Аминь!

Орган начал вступление к хоралу "О город Вифлеем", вдалеке в сопровождении Мириам Берг показались Мария и Иосиф. Мириам поправила белое покрывало Марии и что-то зашептала им обоим. Иосиф потрогал приклеенную бороду.

- Как они пойдут? - прошептала Вирджиния. - По боковому проходу или прямо по центральному?

- По боковому, - ответила Шерон.

Хор встал.

"О город Вифлеем, тих и сладок твой сон, - запел хор. - В вышине над тобой, храня твой покой, звезды плывут чередой".

Мария и Иосиф медленно, размеренным шагом, как учила их Роза, рука об руку двинулись по боковому проходу. "Нет, - подумала Шерон. - Это неправильно. Иосиф должен идти немного впереди, оберегая Марию, а Мария должна держать руку на животе, оберегая ребенка".

После долгих споров вопрос о том, как следует идти Марии и Иосифу, отложили до окончания репетиции, и прогон представления начался. Мария и Иосиф постучали в дверь гостиницы, и хозяин, широко улыбаясь, сказал им, что мест нет.

- Патрик, чему ты так радуешься? - спросила Роза. - Ты должен быть в плохом настроении. Ты устал, у тебя не осталось свободных комнат.

Патрик попытался нахмуриться.

- У меня нет свободных комнат, - сказал он, - но вы можете остановиться в хлеву.

Он провел их к яслям, и Мария опустилась на колени.

- Где младенец Иисус? - спросила Роза.

- Он будет готов только к завтрашнему вечеру, - шепотом ответила Вирджиния.

- У кого-нибудь есть подходящая кукла?

Ангел из младшей группы подняла руку, и Роза сказала:

- Прекрасно. Мария, сейчас просто возьми одеяло. Хор споет первый куплет гимна "Далеко-далеко, в яслях". Подойдите и встаньте с этой стороны, - показала она.

Пастухи подняли связанные по две хоккейные клюшки, швабры и палки, приладили головные уборы.

- Хорошо, начнем, - сказала Роза.

Орган взял вступительный аккорд, и хор встал.

- "Да-алеко", - пропела Ди и закашлялась, прикрываясь рукой. - Есть... леденцы... от кашля? - удалось выдавить ей между приступами.

- Я видела в канцелярии. - Шерон сбежала вниз по ступеням алтаря и заспешила по проходу мимо пастухов в коридор.

Было темно, но Шерон не хотелось тратить время на поиски нужного выключателя. Лампы, горящие в храме, слабо освещали дорогу, и ей казалось, что она помнит, где лежат леденцы от кашля.

В канцелярии тоже не было света, а фонарь на крыльце преподобная Фаррисон выключила, чтобы не привлекать бездомных. Шерон открыла дверь, ощупью пробралась к письменному столу и пошарила по нему, пока не наткнулась на стеклянное блюдо. Взяв пригоршню леденцов, она осторожно вышла в коридор.

Хор запел "В полночь на ясном небе", но после двух тактов умолк, и во внезапно наступившей тишине раздался стук.

Шерон повернулась было к двери, потом замешкалась, подумав, что это, возможно, вернулась та пара, которую выставила преподобная Фаррисон, и сейчас начнутся неприятности, но стук был мягкий, почти робкий, и сквозь витражное стекло было видно, что идет сильный снег.

Шерон пересыпала леденцы от кашля в левую руку, приоткрыла дверь и выглянула наружу. На крыльце стояли двое, один немного впереди. В темноте можно было разглядеть лишь очертания их фигур, и Шерон сначала показалось, что это две женщины, но человек, стоящий впереди, произнес голосом молодого мужчины:

- Эркаш.

- Извините, - сказала Шерон. - Я не говорю по-испански. Вы ищете, где остановиться?

Снег таял на лету, превращаясь в дождь, поднимался ветер.

- Кумрах, - сказал молодой человек, слово звучало так, как будто он просто хотел откашляться, а дальше слова так и посыпались, но Шерон не могла ничего разобрать.

- Подождите минутку. - Шерон закрыла дверь.

Она вернулась в канцелярию, поискала в полумраке телефон, набрала номер.

Занято. Шерон повесила трубку, немного помедлила, набрала снова. Опять занято. Она вернулась к двери в надежде, что пара ушла.

- Эркаш, - услышала она, как только открыла дверь.

- Извините, я пытаюсь дозвониться в приют для бездомных. - И тут молодой человек быстро, взволнованно заговорил, шагнув вперед и положив ладонь на дверь. Он был завернут в одеяло, поэтому Шерон и приняла его за женщину.

- Эркаш, - расстроенно, безнадежно, но все так же робко и застенчиво повторил он. - Ботт лом. - И показал на женщину, которая стояла позади, не поднимаясь на крыльцо.

Шерон смотрела не на нее, а на ноги пришедших.

Они были в сандалиях. Сначала ей показалось, что они босые, и она пришла в ужас. Босые на снегу! Потом, приглядевшись, она заметила темную полоску ремешка. Но это все равно что босые. Снег так и сыплет.

Бросить их на улице казалось Шерон невыносимым, но и оставить их в коридоре до прибытия фургона из приюта она не решалась: боялась преподобной Фаррисон.

Канцелярия отпадает: может зазвонить телефон, в зал общины тоже нельзя, там подарки для бездомных.

- Минуточку, - сказала Шерон и, закрыв дверь, пошла посмотреть, не ушла ли Мириам из воскресной школы для взрослых.

Свет не горел, так что, очевидно, Мириам в комнате не было. На столе у двери стояла лампа. Шерон включила ее. Нет, это тоже не годится: в витрине на стене выставлено серебро общины; на столе стоят бумажные чашки и тарелки с рождественским печеньем, которые принесла Мириам, значит, после представления здесь будет угощение для участников. Шерон выключила свет и вышла в коридор.

Кабинет преподобного Уолла не подходит, к тому же он все равно заперт. Кабинет преподобной Фаррисон, разумеется, тоже. Если разместить бездомных в одной из комнат воскресной школы, потом придется тайком вести их наверх.

Может, в каминную? Каминная помещалась между воскресной школой для взрослых и залом братства. Она потянула за ручку, дверь открылась, и Шерон заглянула внутрь. Камин занимал почти всю комнату, рядом были свалены в кучу складные стулья. Она не нашла выключателя, но снаружи сюда проникал свет, и можно было спокойно двигаться. И здесь было теплее, чем на крыльце.

Шерон выглянула в коридор, убедилась, что никто не идет, и впустила мужчину и женщину.

- Можете подождать здесь, - сказала Шерон, хотя было ясно, что они ее не понимают.

Гости прошли за Шерон через темный коридор в каминную, она поставила для них два складных стула и жестом пригласила сесть.

Звуки "В полночь на ясном небе" замерли, и послышался голос Розы:

- Посох пастуха не оружие. Хорошо. Где ангел?

- Я позвоню в приют, - поспешно сказала Шерон, вышла и закрыла дверь каминной.

В канцелярии она опять набрала номер приюта.

"Пожалуйста, пожалуйста, ответьте", - подумала Шерон. На другом конце действительно подняли трубку. От удивления она забыла сказать, что пара бездомных будет ждать в помещении.

- Мы приедем в лучшем случае через полчаса, - сказал служащий приюта.

- Через полчаса?

- Когда температура падает ниже нуля, всегда так, - сказал мужчина. Постараемся побыстрее.

По крайней мере она поступила правильно, бездомные не смогли бы полчаса простоять под таким снегом. "И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды... истинно говорю вам, не потеряет награды своей" [Евангелие от Матфея, глава 10, стих 42], -

грустно подумала Шерон. Но в каминной хотя бы тепло и нет снега, им ничто не грозит, пока ее саму не хватят. Она вдруг сообразила, что пообещала Ди леденцы от кашля.

Леденцы лежали на письменном столе, где Шерон оставила их, когда звонила. Схватив леденцы, она поспешила через коридор в храм.

Стоящий на ступеньках алтаря ангел убеждал пастухов, что бояться нечего. Шерон пробралась сквозь толпу к алтарю, села между Ди и Вирджинией, подала Ди леденцы от кашля. Ди спросила:

- Почему ты так задержалась?

- Мне надо было позвонить. Я что-то пропустила?

- Ничего. Мы застряли на пастухах. Одна пальма свалилась, и пришлось ее укреплять, а потом преподобная Фаррисон остановила репетицию и предупредила всех, чтобы не впускали в храм бездомных, потому что недавно осквернили Церковь Святой Троицы.

- А-а. - Шерон поискала глазами преподобную Фаррисон.

- Хорошо, теперь, закончив речь, ангел присоединится к остальным ангелам, - сказала Роза. - Младшая группа, я вам говорю. Нет. Вы стойте на ступеньках. Орган, пожалуйста.

Орган заиграл "Чу, вот ангелы несут благую весть", и младший хор еле слышно запел писклявыми голосами.

Преподобной Фаррисон нигде не было.

- Ты не знаешь, куда делась преподобная Фаррисон? - спросила Шерон у Ди.

- Она вышла как раз, когда ты вошла. Ей что-то понадобилось в канцелярии.

В канцелярии. Вдруг она услышит голоса в каминной, откроет дверь и обнаружит там этих людей? Шерон приподнялась.

- Хор! - свирепо глядя на Шерон, сказала Роза. - Может, вы подпоете младшей группе?

Шерон села на место. Через минуту, держа в руках ножницы, появилась преподобная Фаррисон.

- "Поздно ночью он придет", - запела младшая группа. Мириам вышла.

- Куда пошла Мириам? - прошептала Шерон.

- Откуда я знаю? - Ди с любопытством посмотрела на Шерон. - Наверное, приготовить угощение. А что?

- Ничего, - сказала Шерон.

Роза снова сверкнула на нее глазами. Шерон стала подпевать "Свет и жизнь принесет", ей не терпелось, чтобы хорал поскорее закончился и можно было выйти, но как только хорал закончился, Роза сказала:

- Хорошо, теперь волхвы, - и по среднему проходу двинулся шестиклассник со шкатулкой для драгоценностей. - Хор, "Мы три волхва". Орган, пожалуйста.

Начались четыре длинных куплета хорала "Мы три царя Востока". Шерон не могла ждать.

- Мне нужно выйти, - сказала она.

Положив папку для нот на стул, Шерон сбежала вниз по лестнице за алтарем и прошла через узкую комнату, которая вела к боковому проходу. Хористы называли эту комнату цветочной, потому что туда складывали искусственные цветы для украшения алтаря. Через нее проходили украдкой, когда надо было пораньше уйти из церкви. Сейчас здесь едва можно было повернуться. Везде стояли пюпитры и горшки с шелковыми крупными лилиями, перед дверью в храм возвышался огромный куст красных роз.

Шерон отодвинула куст в угол, осторожно пробралась среди лилий и открыла дверь.

- Бальтазар, положи золото перед яслями, только не урони, - говорила Роза. - Мария, ты Матерь Божия. Не смотри так испуганно.

Шерон прошмыгнула по боковому проходу в коридор, где с флаконами благовоний ждали еще два волхва.

"Все дальше на запад веди нас, звезда, младенцу идем поклониться", пел хор.

Свет в коридоре и канцелярии по-прежнему не горел, но при свете, идущем из двери воскресной школы для взрослых, можно было видеть весь коридор. Дверь каминной была

все так же закрыта.

"Позвоню в приют, - думала Шерон, - и попрошу, чтобы фургон прислали побыстрее, а если не получится, оставлю этих людей внизу и, когда все уйдут, сама отвезу их в приют".

Она прошла на цыпочках мимо открытой двери воскресной школы для взрослых, чтобы Мириам ее не увидела, а потом побежала вниз и открыла дверь канцелярии.

Там около письменного стола стояла Мириам. В одной руке она держала алюминиевый кувшин, а другой шарила в верхнем ящике.

- Ты не знаешь, где секретарь хранит ключи от кухни?

- Не знаю, - сказала Шерон. Сердце ее гулко билось.

- Мне нужна ложка, чтобы размешать шипучку, - выдвигая и задвигая боковые ящики стола, сказала Мириам. - Наверное, секретарь взяла ключи с собой домой. Ее можно понять. В прошлом месяце украли ключи в Первой Баптистской церкви. Там пришлось сменить все замки.

Шерон с тревогой поглядывала на дверь каминной.

- Ну ладно, - еще раз выдвинув верхний ящик, сказала Мириам. - Придется довольствоваться вот этим. - Она вытащила пластмассовую линейку. - Малыши не обидятся.

Мириам пошла было к двери, но остановилась:

- Они ведь еще не собрались?

- Нет, - сказала Шерон. - Они еще репетируют. Мне нужно позвонить мужу, попросить, чтобы он вынул индейку из морозильника.

- Я вытащу индейку, когда приду домой, - сказала Мириам и пошла в библиотеку, оставив дверь открытой.

Шерон немного подождала и набрала номер приюта. Занято. Она приподняла руку, чтобы свет из коридора падал на часы. В приюте сказали, что приедут через полчаса. К тому времени репетиция кончится и в коридоре будет полно народу.

Меньше чем через полчаса. Хор уже поет "Мирра для меня, горький аромат ее". Осталось только "Ночь тиха" и потом "На радость миру", и ангелы ринутся за печеньем и шипучкой.

Шерон подошла к входной двери и выглянула наружу. Сотрудник приюта сказал, что температура ниже нуля, и действительно, автостоянку быстро засыпало снегом.

Нельзя в такую погоду выпускать людей на улицу босиком. Но и здесь их держать нельзя: в соседней комнате будут дети. Надо отвести их вниз.

Но куда? Только не в комнату хора. После представления хористы понесут туда папки для нот и балахоны, а дети побегут за своими пальто в комнаты для занятий воскресной школы. Кухня заперта.

В детскую? Возможно. Она на другом конце коридора, далеко от хора, но придется идти к лестнице мимо воскресной школы для взрослых, а там открыта дверь.

"Ночь ти-и-ха, свя-та-а-я ночь", - донеслось из храма, затем звук оборвался, и Шерон услышала голос преподобной Фаррисон. Должно быть, та опять разъясняла, как опасно впускать в церковь бездомных.

Шерон еще раз бросила взгляд на дверь каминной и пошла в комнату воскресной школы для взрослых. Мириам расставляла на столе бумажные чашки. Она подняла голову:

- Дозвонилась мужу?

Шерон кивнула. Мириам смотрела на нее выжидающе.

- Можно съесть печенья? - спросила Шерон, чтобы что-нибудь сказать.

- Возьми звездочку. Малыши больше любят Санта-Клаусов и рождественские елки.

- Спасибо. - Схватив покрытую яркой желтой глазурью звездочку, Шерон вышла и прикрыла за собой дверь.

- Не закрывай, - крикнула Мириам. - Я хочу услышать, когда кончится репетиция.

Шерон открыла дверь наполовину (она боялась, что, если открыть меньше, Мириам подойдет и распахнет ее настежь) и неторопливо пошла в каминную.

Хор пел последний куплет из "Ночь тиха". Осталось только "На радость миру" и

благословение. Открыта дверь или закрыта, надо увести молодых людей сейчас. Шерон открыла дверь каминной.

Они стояли там, где она оставила их, среди складных стульев, и Шерон точно знала, что они простояли так все время, пока ее не было.

Мужчина немного впереди женщины, так же, как на улице, около двери церкви. Только это был не мужчина, а юноша, почти мальчик, с реденькой бородкой, как у подростка. Женщина была еще моложе, малышка лет десяти... Нет, очевидно, постарше: теперь, когда на них падал свет из полуоткрытой двери воскресной школы для взрослых, стало заметно, что девочка беременна.

Шерон как-то вдруг словно еще раз увидела все: неуклюжую грузность девочки и бородку почти мальчика; то, что они не стали садиться; то, что именно свет из двери воскресной школы для взрослых открыл ей не замеченное ранее. Она все еще соображала, скоро ли придет фургон из приюта и как провести их мимо преподобной Фаррисон, но каким-то уголком сознания впитывала каждую мелочь, подтверждающую догадку, которая возникла, едва она открыла им дверь.

- Что вы здесь делаете? - прошептала Шерон, и мальчик беспомощно раскрыл ладони.

- Эркаш, - сказал он.

И все в том же уголке сознания у Шерон родился план. Она приложила палец к губам. Жест, вероятно, был известен мальчику, потому что и он, и девочка вдруг встревожились.

- Вам надо пойти со мной, - сказала Шерон.

Затем сознание будто отключилось. Они втроем почти бегом миновали открытую дверь, вышли на лестницу, и Шерон даже не слышала громохання органа "На радость миру явился Господь", она только шептала: "Скорей. Скорей!" - а дети не знали, как спускаться по лестнице; девочка повернулась и стала сходить, пятясь и опираясь ладонями о верхние ступени, мальчик помогал ей одолевать ступеньку за ступенькой, словно они карабкались по скалам. Шерон стала торопить девочку, и та чуть не споткнулась, но и это не привело Шерон в чувство.

Она шепнула: "Вот так!" - и пошла вниз по лестнице, держась рукой за перила, но они не обращали на нее внимания и продолжали спускаться задом, как дети, только начинающие ходить, и это длилось бесконечно долго; хор, который Шерон не слышала, уже допел третий куплет, а они прошли всего полпути, и все трое задыхались, и Шерон суежилась вокруг детей, точно это могло заставить их поторопиться, и думала, как же ей удастся подняться с ними по этой же лестнице, и надо позвонить в приют и отменить фургон, но главное "Скорей, скорей" и "Как они сюда попали?". Шерон пришла в себя только тогда, когда девочка кое-как спустилась в нижний коридор и все трое подошли к детской; тогда она подумала: "Детская не может быть заперта, пожалуйста, пусть она будет не заперта" - и она оказалась не заперта, и Шерон ввела их внутрь, и закрыла дверь, и попыталась запереть ее, но замка не было, и Шерон догадалась: "Вот почему она не была заперта" - и с тех пор, как она открыла дверь каминной, это была первая ясная мысль.

Тяжело дыша, Шерон пристально смотрела на гостей: это они, их неумение спускаться по лестнице только доказывало это, но Шерон не нуждалась в доказательствах, едва лишь она увидела их, она уже знала, знала несомненно.

У нее мелькнула мысль, уж не галлюцинация ли это; бывает ведь, что добрым людям привидится на холодильнике лик Иисуса или Дева Мария, вся в белом и голубом, окруженная розами. Но с их грубых коричневых одеяний капал на ковер растаявший снег, ноги в бесполезных сандалиях покраснели от холода, и оба - и мальчик, и девочка - были слишком напуганы.

Они выглядели совсем не так, как на картинках. Очень маленького роста, волосы у мальчика грязные, лоснящиеся, лицо грубое, как у юного хулигана, покрывало девочки напоминало мягое полотенце, и оно не свисало свободно, а было обмотано вокруг шеи и завязано сзади узлом; и оба они были слишком молоды, почти как дети, изображающие их наверху.

Испуганно озираясь, они разглядывали белую детскую кроватку, кресло-качалку, свисающую с потолка лампу. Мальчик пошарил за поясом, достал кожаный мешочек, протянул его Шерон.

- Как вы сюда попали? - в удивлении сказала Шерон. - Вы должны были идти в Вифлеем.

Мальчик стал совать ей в руки мешочек, а когда Шерон не взяла его, развязал кожаную тесемку, вытащил плохо отшлифованную монету и подал ей.

- Мне не нужна плата, - сказала Шерон, хотя говорить было глупо: мальчик не мог понять ее. Тогда она оттолкнула монету и покачала головой. Это, кажется, всем понятный жест. А какой жест означает приветствие? Шерон улыбнулась и протянула руки.

- Добро пожаловать! - пробуя интонацией передать смысл слов, сказала она. - Садитесь. Отдыхайте.

Они продолжали стоять. Шерон пододвинула кресло-качалку.

- Садитесь, пожалуйста.

Лицо Марии выражало страх, Шерон положила ладони на ручки кресла и показала ей, как сесть. Иосиф сразу же опустился на колени, и Мария неуклюже попыталась последовать его примеру.

- Нет, нет! - Шерон так быстро вскочила с кресла, что оно закачалось как сумасшедшее.

- Не становитесь на колени. Я никто. - Она в отчаянии посмотрела на них. - Как вы сюда попали? Вы должны быть не здесь.

Иосиф встал.

- Эркаш, - сказал он и подошел к доске объявлений.

На доске были прикреплены цветные картинки из жизни Иисуса: Иисус исцеляет хромого, Иисус во Храме, Иисус в Гефсиманском Саду.

Иосиф показал на картинку, изображающую Рождество Христово.

- Кумрах, - сказал Иосиф.

"Может, он узнал себя", - подумала Шерон, но он показывал на стоящего рядом с яслями ослика.

- Эркаш, - сказал он. - Эркаш.

Это значит "осел"? Он спрашивает, куда Шерон дела осла или есть ли у нее осел? На всех картинках, во всех вариантах этой истории Мария едет на ослике, но Шерон подумала, что, должно быть, наше представление об этом, так же, впрочем, как и обо всем остальном, не соответствует действительности: у них совсем другие лица, другая одежда, а главное, они юны и беззащитны.

- Кумрах эркаш, - сказал мальчик. - Кумрах эркаш. Ботт лом?

- Не знаю, - сказала Шерон. - Я не знаю, где Вифлеем.

"И что с вами делать?" - подумала она. Ее первым побуждением было спрятать их в детской до окончания репетиции, до того, как все уйдут домой. Она не допустит, чтобы преподобная Фаррисон их обнаружила.

Конечно, как только преподобная Фаррисон поймет, кто они, она... что она сделает? Упадет на колени? Или вызовет фургон из ночлежки? "Уже вторая пара за сегодняшний вечер", - закрыв дверь, сказала преподобная Фаррисон. Шерон вдруг пришло в голову, что, возможно, преподобная Фаррисон выставила именно их, и они, испуганные и растерянные, побродили вокруг автостоянки, а потом опять постучали.

Шерон не позволит, чтобы преподобная Фаррисон их обнаружила, но той вроде и незачем спускаться в детскую. Все дети наверху, и угощение приготовлено в помещении воскресной школы для взрослых. Но что, если она перед тем, как запереть церковь, проверяет все комнаты?

"Я возьму их домой", - решила Шерон. Там они будут в безопасности. Если только удастся подняться по лестнице и покинуть автостоянку до конца репетиции.

"Мы спускались сюда, и никто нас не видел", - подумала Шерон. Но даже если получится, а это большой вопрос, и они не умрут от страха, когда машина тронется с места и

Шерон пристегнет ремни безопасности, дома будет не лучше, чем в приюте.

Они заблудились из-за какого-то сбоя во времени и пространстве и оказались возле церкви. Обратный путь, если он есть, а он наверняка есть, ведь завтра вечером они должны прийти в Вифлеем, начинается отсюда.

Внезапно Шерон осенило, что, возможно, их не следовало впускать, так как путь назад начинается у северного входа. "Но я не могла их не впустить, - возразила она сама себе, - идет снег, а они почти босые".

А вдруг, если бы она их непустила, они сошли бы с крыльца и вернулись в свое время? Может, это еще осуществимо?

Шерон сказала:

- Подождите здесь, - и подняла руку, поясняя жестом свои слова, затем вышла из детской в коридор и плотно прикрыла дверь.

Хор все еще пел "На радость миру". Очевидно, у них опять был перерыв. Шерон бесшумно взбежала по лестнице и пронеслась мимо воскресной школы для взрослых. Дверь была полуоткрыта, на столе стояли тарелки с печеньем. Шерон открыла северный вход, секунду помешкала, будто ожидая увидеть песок и верблюдов, и выглянула наружу. Дождь со снегом все еще шел, на машины уже нанесло снега на несколько сантиметров.

Шерон поискала, чем бы подпереть дверь, чтобы она не захлопнулась, пододвинула к ней кадку с пальмой и вышла на крыльцо. Было скользко, и Шерон пришлось держаться за стену, чтобы не оступиться. Она медленно подошла к краю крыльца и стала всматриваться в падающую крупу, с трепетом надеясь увидеть что-то необычное, но что? Может быть, что дождь со снегом прекратился, или что где-то тьма сгустилась еще больше, или, наоборот, вдруг стала не так черна? Вдруг где-нибудь вспыхнет огонек?

Но ничего не было видно, и Шерон так же осторожно, как Мария и Иосиф сходили с лестницы, спустилась с крыльца и обошла вокруг стоянки.

Нет. Если путь назад и пролегает здесь, он откроется не сейчас, а достаточно постоять на этом месте еще немного, и она просто замерзнет. Вернувшись в церковь, Шерон встала у порога, глядя на дверь, пытаясь сообразить, что делать. "Мне необходима помощь", - думала она, сжимая холодные руки. Надо кому-нибудь рассказать. Она пошла по коридору в храм.

Орган умолк.

- Мария и Иосиф, мне нужно с вами поговорить, - услышала Шерон голос Розы. - Пастухи, оставьте посохи на скамье. Остальные могут идти в комнату воскресной школы для взрослых, там приготовлено угощение. Хор, не уходите. Придется повторить некоторые отрывки.

Послышался стук палок и страшный топот. Пастухи едва не сбили Шерон с ног. Один из волхвов запутался в своем одеянии и чуть не упал, двое ангелов в суматохе потеряли парчовые венчики.

Наконец Шерон пробилась сквозь эту толпу. Роза в боковом проходе показывала Марии и Иосифу, как надо идти, хор собирал ноты. Ди нигде не было.

Вирджиния спустилась в центральный проход, на ходу снимая балахон. Шерон подошла к ней:

- Ты не знаешь, где Ди?

- Ушла домой. - Вирджиния протянула Шерон папку с нотами. - Ты оставила папку на стуле. У Ди совсем сел голос, и я ей сказала: "Это глупо. Иди домой и ложись".

- Вирджиния... - начала было Шерон.

- Ты можешь взять мой балахон? - спросила Вирджиния. - Мне нужно через десять минут быть на ярмарке.

Шерон рассеянно кивнула. Вирджиния бросила балахон ей в руки и поспешила к выходу. Шерон стала оглядывать хор, думая, кому еще она может довериться.

Роза отпустила Марию и Иосифа, которые тут же убежали, и повернулась к центральному проходу.

- Репетиция завтра вечером в 6:15, - сказала она. - В это время вы должны быть здесь

уже в балахонах, потому что в 6:40 у меня занятия с духовым квартетом. Вопросы есть?

"Есть, - оглядываясь вокруг, мысленно ответила Шерон. - Кто мне поможет?"

- Какой гимн мы поем? - поинтересовался тенор.

- "Adeste fideles", - сказала Роза. - Перед уходом давайте построимся, чтобы каждый видел, кто его партнер.

Преподобный Уолл сидел на задней скамье и просматривал заметки к своей проповеди. Шерон нерешительно прошла вдоль скамьи и под села к нему.

- Преподобный Уолл! - Она запнулась, не зная, как начать. - Вы не скажете, что значит слово "эркаш"? Мне кажется, это по-древнееврейски.

Оторвавшись от заметок, он пристально посмотрел на Шерон:

- По-арамейски. Это значит "потеряться".

Они потерялись. Вот что пытался сказать мальчик и у двери, и в каминной, и внизу. "Мы потерялись".

- "Заблудиться", - продолжал преподобный Уолл. - "Попасть не туда".

"Попасть не туда", хорошенькое "не туда". Проскочить две тысячи лет, океан и еще невесть сколько миль по суше.

- Когда Мария и Иосиф направились из Назарета в Вифлеем, как они шли? спросила Шерон, надеясь, что он скажет: "Почему вы задаете все эти вопросы?" - и тогда она откроет ему, но он сказал:

- А! Вы не слушали мою проповедь. Мы ничего не знаем об этом путешествии, кроме того, что они пришли в Вифлеем.

"Но такими темпами, как сегодня, они не придут", - подумала Шерон.

- Сдайте листы с гимном, - говорила тем временем Роза. - У меня всего тридцать экземпляров, и я боюсь, что завтра вечером не хватит.

Шерон подняла голову. Хор начал расходиться.

- Во время этого путешествия они могли где-нибудь потеряться? торопливо спросила Шерон.

- "Эркаш" также означает "спрятанный", "скрытый от глаз", - ответил преподобный Уолл. - Арамейский очень похож на древнееврейский. В древнееврейском это слово...

- Преподобный Уолл! - В центральном проходе появилась преподобная Фаррисон. - Мне нужно поговорить с вами о благословении.

- А! Вы хотите, чтобы я дал его сейчас? - Преподобный Уолл поднялся, не выпуская из рук свои бумажки.

Шерон поспешно схватила папку с нотами и побежала вниз вслед за хором.

Хористам незачем было идти в детскую, но Шерон остановилась в коридоре и начала перебирать ноты в папке, словно желая привести их в порядок. При этом она судорожно размышляла, что же ей предпринять.

Может, если все отправятся в комнату хора, она прошмыгнет в детскую или в одну из комнат воскресной школы и спрячется там до тех пор, пока все не уйдут. Но, возможно, преподобная Фаррисон перед уходом проверяет все комнаты. А возможно, и того хуже, запирает их.

Шерон могла бы сказать, что ей надо посидеть подольше и переписать гимн, но она сомневалась, доверит ли ей преподобная Фаррисон ключи от церкви, а Шерон не хотела привлекать к себе внимания, не хотела, чтобы преподобная Фаррисон подумала: "А где Шерон Энглерт? Я не видела, как она ушла". Пожалуй, можно спрятаться за алтарем или в цветочной, но это значит оставить детскую без присмотра.

Нужно решать. Толпа редела, хористы отдавали Розе ноты и надевали пальто. Нужно что-то делать. В любую минуту преподобная Фаррисон может спуститься по лестнице и проверить детскую. Шерон все стояла, машинально перебирая ноты, пока не увидела сходящую по лестнице преподобную Фаррисон со связкой ключей.

Подобно Иосифу, Шерон, будто защищаясь, отступила назад, но преподобная Фаррисон даже не заметила ее, она подошла к Розе и спросила:

- Вы можете вместо меня запереть двери? Мне надо в 9:30 быть в лютеранской церкви и собрать пожертвования "Для малых сих".

- Я собиралась позаниматься с духовым квартетом... - недовольно сказала Роза.

"Не дайте Розе увильнуть", - подумала Шерон.

- Убедитесь, что заперты все двери, особенно в зал общины, - подавая Розе ключи, сказала преподобная Фаррисон.

- У меня есть свои, - сказала Роза. - Но...

- И проверьте автостоянку. Вокруг нее околачивались какие-то бездомные. Спасибо.

Преподобная Фаррисон побежала наверх, а Шерон тут же подошла к Розе.

- Роза, - окликнула она.

Та протянула руку, собираясь взять ноты.

Шерон, порывшись в папке, подала их Розе.

- А можно... - Шерон старалась говорить как можно небрежнее. - Мне бы нужно остаться и порепетировать. Я была бы рада запереть двери. Я могу завезти вам домой ключи завтра утром.

- Ты не представляешь, как ты меня выручила, - обрадовалась Роза. Она отдала Шерон пачку нот и достала из кошелька ключи. - Вот ключ от входной двери, от северного входа, от восточного входа, от зала общины. - Роза говорила так быстро, что Шерон не успевала разглядеть, какой ключ от какой двери, но это уже не имело значения. Только бы все разошлись, а потом она разберется.

- Этот от комнаты хора, - закончила Роза и отдала ключи Шерон. - Я тебе очень благодарна. Духовой квартет не мог прийти на репетицию, у них сегодня концерт, а мне на самом деле нужно порепетировать с ними входную песнь. У них что-то не ладится.

"У меня тоже", - подумала Шерон.

Роза накинула пальто.

- А потом еще надо зайти к Мириам Берг, забрать младенца Иисуса. - Она наполовину натянула рукав, но вдруг остановилась. - Может, ты хочешь, чтобы я осталась и позанималась с тобой?

- Нет! - испугалась Шерон. - Нет, я сама. Я просто несколько раз пропою все от начала до конца.

- Хорошо. Замечательно. Еще раз спасибо. - Роза похлопала себя по карманам, потом взяла у Шерон связку ключей и сняла с нее ключ от машины. - Ты не представляешь, как ты меня выручила, правда. - Роза быстро побежала вверх по лестнице.

Появились, натягивая перчатки, две контрольно.

- Знаешь, что мне предстоит дома? - спросила Джулия. - Установить елку.

Они подали свои ноты Шерон.

- Терпеть не могу Рождество, - сказала Карен. - Когда праздник кончится, я буду как выжатый лимон.

Продолжая разговаривать, они тоже поспешили наверх, а Шерон отправилась в комнату хора, чтобы убедиться, что там никого нет. Бросила ноты и балахон Вирджинии на кресло, сняла свой балахон и поднялась по лестнице.

Мириам выходила из двери воскресной школы для взрослых с кувшином шипучки в руках.

- Скорей, Элизабет, - крикнула она. - Нам нужно до закрытия успеть в магазин. Она ухитрилась совершенно испортить свой венчик, - обратилась Мириам к Шерон, - придется купить еще кусок парчи. Элизабет, все уже ушли.

Элизабет сдвинулась с места, в руке она держала печенье в форме рождественской елки. Она остановилась на полпути, слизывая глазурь.

- Элизабет, - снова позвала Мириам. - Скорей.

Шерон открыла им входную дверь, и Мириам вышла, нагнув голову, стараясь спрятать ее от снега. Элизабет плелась за ней, глядя вверх на густо падающий снег.

Мириам помахала рукой.

- До завтра.

- Да, да, я буду здесь, - сказала Шерон и закрыла дверь.

"Я все еще буду здесь", - подумала она. А что, если они тоже? Что тогда? Рождественского представления не будет и вообще ничего не будет? Ни печенья, ни беготни по магазинам, ни "Барби на школьном балу"? Ни церкви?

Шерон смотрела сквозь витражное стекло, пока не увидела, как лилово вспыхнули задние фары и автомобиль с Мириам и Элизабет выехал со стоянки, тогда, перепробовав один за другим несколько ключей, она нашла нужный и заперла дверь.

Быстро заглянув в храм и в ваннe и убедившись, что там никого нет, Шерон побежала вниз по лестнице в детскую, чтобы удостовериться, что Мария и Иосиф еще там, что они не исчезли.

Они были там. Они сидели на полу рядом с креслом-качалкой и ели что-то похожее на сушеные финики, разложенные на тряпице. Как только Шерон просунула голову в дверь, Иосиф сделал движение, чтобы подняться, но Шерон сделала ему знак сесть снова.

- Оставайтесь здесь, - мягко сказала она и сообразила, что разговаривать шепотом нет необходимости. - Я вернусь через несколько минут. Только запру двери.

Плотно закрыв дверь, она снова пошла вверх. Ей как-то не приходило в голову, что Мария с Иосифом могут проголодаться, и она понятия не имела, к какой пище они привыкли: может, они едят мацу? Или баранину? Ни того, ни другого на кухне нет, но на прошлой неделе у дьяконов был предрождественский ужин. Если повезет, в холодильнике, может, найдется красный перец. Или даже лучше - сухое печенье.

Кухня была заперта. Шерон забыла, что Мириам говорила ей об этом, но должен же один из ключей быть от этой двери. Дверь не поддавалась. Дважды перепробовав все ключи, она вспомнила, что это ключи Розы, а не преподобной Фаррисон. Тогда Шерон отправилась в зал общины и зажгла свет. Здесь были тонны еды, рядом с одеялами и игрушками на столе высились целые горы консервных банок. Не случайно преподобная Фаррисон говорила именно о консервах.

Шипучку Мириам унесла домой, но печенье она, кажется, не взяла. "Может, дети не все съели". Шерон пошла в комнату воскресной школы для взрослых. На бумажной тарелке лежали только желтые звездочки. Мириам была права: детям больше нравятся рождественские елки и Санта-Клаусы. На столе стояли еще бумажные чашки. Шерон взяла тарелку с остатками печенья и чашки и пошла вниз.

- Я принесла вам поесть, - сказала она и поставила тарелку на пол между Марией и Иосифом.

Они не сводили с Шерон встревоженных глаз, Иосиф медленно поднимался на ноги.

- Это еда, - поднимая руку ко рту и делая вид, что жует, сказала Шерон. - Печенье.

Иосиф потянул Марию за руку, стараясь помочь ей встать, и они оба в ужасе уставились на джинсы и свитер Шерон. Шерон вдруг поняла, что они, наверное, не узнали ее без балахона. Хуже того, мантия хоть немного напоминала их одежду, а такой костюм, конечно, напугал их.

- Я принесу вам попить, - поспешно сказала Шерон, показывая на бумажные чашки, и вышла.

Сначала она побежала вниз, в комнату хора. Ее балахон валялся на ручке кресла, там, где она его бросила, рядом с балахоном Вирджинии и нотами. Шерон надела балахон, наполнила бумажные чашки водой из питьевого фонтанчика и понесла их в детскую.

Мария и Иосиф стояли, однако, увидев Шерон в балахоне, они опять сели. Шерон протянула Марии бумажную чашку, но та только со страхом посмотрела на этот сосуд. Тогда Шерон подала чашку Иосифу. Он так крепко схватил ее, что чашка смялась, и вода брызнула на ковер.

- Ничего, это не важно, - мысленно обзывая себя идиоткой, сказала Шерон. - Я принесу вам настоящую чашку.

Она бросилась вверх, пытаясь вспомнить, где можно найти чашку. Кофейные чашки -

в кухне, стаканы тоже, в зале общины и в воскресной школе для взрослых Шерон посуды не видела.

Внезапно она улыбнулась:

- Я принесу вам настоящую чашу. - Она пошла в комнату воскресной школы для взрослых и взяла из витрины серебряный потир общины.

Еще там были серебряные тарелки. Шерон пожалела, что не догадалась сделать это раньше.

Она заскочила в зал общины, взяла одеяло и понесла все это вниз. Наполнив потир водой, она пошла в детскую и подала потир Марии. На этот раз Мария без колебаний взяла чашу и сделала несколько больших глотков.

Шерон протянула Иосифу одеяло.

- Я оставлю вас одних, чтобы вы поели и отдохнули, - сказала Шерон и, прикрыв дверь, вышла в коридор.

Сама она направилась в комнату хора, повесила балахон Вирджинии, сложила ноты аккуратной стопкой на столе. Затем прошла в каминную, убрала с прохода складные стулья и прислонила их к стене. Проверила восточный выход и зал общины. Обе двери были закрыты.

Шерон уже выключила свет, но вспомнила, что надо позвонить в приют, и опять зажгла лампы. Прошел час. Вероятно, они приезжали и никого не нашли, но на всякий случай лучше позвонить: вдруг фургон запаздывает?

Занято. Шерон дважды набрала номер, потом позвонила домой. В гостях были родители Билла.

- Я вернусь поздно, - сказала Шерон. - Репетиция задерживается. - И повесила трубку, мысленно подсчитывая, сколько раз за сегодняшний вечер ей пришлось врать.

Ну что ж, если здесь все так делают? Иосиф делает вид, что младенец его, волхвы возвращаются другим путем, чтобы не предать Ироду божественного младенца, Святое Семейство прячется, а потом бежит в Египет, и хозяин гостиницы посылает солдат Ирода по ложному следу.

А сейчас опять игра в прятки. Шерон вернулась вниз, легко, стараясь не спугнуть Марию и Иосифа, приоткрыла дверь и стала наблюдать.

Они съели печенье. На пустой бумажной тарелке не осталось ни крошки. Мария лежала, как ребенок, свернувшись калачиком, а Иосиф сидел спиной к креслу и охранял ее.

"Бедные дети", - прижимаясь щекой к двери, подумала Шерон. Бедные дети. Такие юные и так далеко от дома. Шерон стало интересно, о чем они думают. Может, считают, что забрели в какое-то странное царство и попали во дворец? "Дальше будет еще более странно, - подумала Шерон, - пастухи, ангелы, волхвы, которые пришли с Востока и принесли шкатулки с драгоценностями и флаконы с благовониями". А потом Кана. И Иерусалим. И Голгофа.

А пока они нашли место для ночлега, крышу над головой, и немного еды, и несколько минут покоя. "Тих и сладок твой сон". Шерон долго стояла, прижавшись щекой к дверному косяку, и смотрела, как спит Мария и как старается бодрствовать Иосиф.

Однако голова его стала клониться; пытаясь стряхнуть сон, он вскинул голову и увидел Шерон. Тут же осторожно встал, стараясь не потревожить Марию, и подошел к Шерон. На его лице было написано беспокойство.

- Эркаш кумрах, - повторил он. - Ботт лом?

- Я поищу дорогу, - ответила Шерон.

Она поднялась по лестнице, снова включила свет и пошла в зал общины. У северного входа путь назад не начинается, но, возможно, раньше они стучали в какую-нибудь другую дверь, а потом, когда никто не открыл, обошли здание. Вход в зал общины - на северо-западе. Пробуя один ключ за другим, Шерон отперла дверь и выглянула на улицу. Дождь со снегом хлестал все сильнее. Снег уже засыпал следы шин на автостоянке.

Шерон закрыла дверь и пошла к восточному входу, которым пользовались только во время воскресной службы, потом - снова к северному. Ничего. Крупа, ветер и ледяной

воздух.

Что же теперь? Они шли из Назарета в Вифлеем и где-то повернули не туда. Но как? Где? Шерон даже не знает, в каком направлении они шли. "В глубь страны". Иосиф шел из Назарета в глубь страны, это значит на север, и в Евангелии от Матфея сказано, что звезда была на северо-западе.

Нужна карта. Кабинеты священников заперты, но в воскресной школе для взрослых на нижней полке под витриной лежат книги. Может, там есть атлас?

Атласа не оказалось. Одни только книги по самопомощи - как преодолеть горе, о взаимной поддержке, о подростковой беременности, а в дальнем углу - древнего вида алфавитный указатель к Библии и Библейский словарь.

На последних страницах Библейского словаря помещались карты. Древнееврейские поселения в Ханаане, Ассирийское царство, исход древних евреев по пустыне. Шерон листала дальше. Путешествия апостола Павла. Она перевернула еще страницу. Палестина во времена Нового Завета.

Шерон без труда нашла Иерусалим, а Вифлеем должен быть к северо-западу от Иерусалима. Вот Назарет, откуда вышли Мария и Иосиф, значит, Вифлеем дальше к северу.

Вифлеема не было. Шерон водила пальцем по карте, читая крошечные надписи. Вот Кана, вот Вифсаида, а Вифлеема нет. Ерунда какая-то! Он должен быть здесь. Шерон начала с севера, обводя ногтем каждый город...

Вифлеем оказался совсем не там, где она думала. "И они тоже", - пришло ей в голову. Вифлеем стоял к юго-западу от Иерусалима, так близко, каких-то несколько миль.

Шерон посмотрела на масштаб и увидела вклейку: "Путешествие Марии и Иосифа в Вифлеем" - путь обозначен красным пунктиром.

Вифлеем находился почти прямо к югу от Назарета, но они шли на восток до реки Иордан, а потом к югу вдоль берега. У Иерихона они свернули на запад к Иерусалиму и пошли через закрашенное на карте коричневым пространство, которое значилось как пустыня.

А не здесь ли они заблудились? Может, ослик пошел искать воду, а они за ним, вот и сбились с дороги. Если так, значит, путь назад лежит к юго-западу, но в церкви нет дверей, открывающихся в этом направлении, а даже если б и были, все равно там падал бы снег и виднелась автостоянка двадцатого века, а не Палестина первого.

Как они сюда попали? Нет, карта не могла подсказать, что произошло во время путешествия.

Шерон положила словарь на место и вытащила алфавитный указатель к Библии.

Послышался звук поворачивающегося в замке ключа: кто-то открывал дверь. Шерон захлопнула книгу, быстро сунула ее на полку и вышла в коридор. У двери стояла перепуганная преподобная Фаррисон.

- Ох, это вы, Шерон. - Она приложила руку к груди. - Что вы здесь делаете так поздно? Вы меня до полусмерти перепугали.

"А вы меня".

- Мне надо было порепетировать, - сказала Шерон. - Я обещала Розе, что запру двери. Что случилось? Почему вы вернулись?

- Мне позвонили из приюта, - открывая дверь канцелярии, сказала преподобная Фаррисон. - Из нашей церкви их просили забрать бездомную пару, но когда они приехали, на улице никого не оказалось.

Она вошла в канцелярию и заглянула в угол за письменный стол, туда, где были выдвижные ящики.

- Я беспокоюсь, что бездомные проникли в церковь. Не хватает только, чтобы кто-нибудь осквернил храм за два дня до Рождества. - Она заперла дверь канцелярии. - Вы все двери проверили?

"Да, - подумала Шерон. - И ни одна никуда не ведет".

- Да, - сказала она. - Все двери заперты. И потом, я бы услышала, если бы кто-нибудь

пытался войти. Я ведь слышала, как вы открывали дверь.

Преподобная Фаррисон заглянула в каминную.

- Они могли проскользнуть внутрь и спрятаться, когда все уходили домой.

Она осмотрела сваленные в кучу складные стулья и, закрыв дверь, пошла по коридору к лестнице.

- Я все проверила, всю церковь, - следуя за ней, говорила Шерон.

Преподобная Фаррисон остановилась на лестнице и задумчиво посмотрела вниз.

- Когда я осталась одна, мне сделалось не по себе, - в отчаянии повторила Шерон, - я везде включила свет и проверила все комнаты для занятий воскресной школы, хора и ванны. Там никого нет.

Преподобная Фаррисон подняла голову и посмотрела в конец коридора:

- А в храме?

- Что в храме? - тупо переспросила Шерон.

Но преподобная Фаррисон уже шла по коридору, и Шерон вслед за ней. Она почувствовала облегчение и внезапную надежду. Может быть, там есть дверь, которую она пропустила. Дверь храма, выходящая на юго-запад.

- Разве там есть дверь?

Преподобная Фаррисон была раздосадована.

- Если кто-нибудь вышел из восточной двери, они могли войти и спрятаться в храме. Вы проверили скамьи? В последнее время мы столько натерпелись от бездомных, которые спали на скамьях. Вы идите по той стороне, а я по этой. - Преподобная Фаррисон устремилась по боковому проходу. Она шла вдоль рядов обитых тканью скамей, наклонялась и заглядывала под каждую. - В церкви Скорбящей Божьей Матери утащили серебро общины прямо с алтаря.

"Серебро общины", - пробираясь между рядами, подумала Шерон. Она и забыла о потире.

Преподобная Фаррисон подошла к первой скамье. Открыла дверь цветочной комнаты, заглянула внутрь, закрыла и вошла в алтарь.

- Вы проверили воскресную школу для взрослых? - нагибаясь и заглядывая под стулья, спросила она.

- Там никто не мог спрятаться. Там было устроено угощение для младшей группы хора. - Шерон понимала, что говорить бесполезно.

Преподобная Фаррисон все равно будет настаивать на проверке каждой комнаты, и, когда обнаружит, что витрина открыта, а потир пропал, она одну за другой начнет обыскивать все остальные комнаты. Пока не доберется до детской.

- Вы думаете, мы правильно поступаем? - попробовала остановить ее Шерон. - Я хочу сказать, что, если кто-то проник в церковь, это могут быть опасные люди. Мне кажется, надо подождать. Я позвоню мужу, и, когда он приедет, мы втроем обыщем...

- Я вызвала полицию, - сходя со ступеней алтаря и направляясь к центральному проходу, проговорила преподобная Фаррисон. - Машина приедет с минуты на минуту.

Полицию! А они здесь, прячутся в детской, хулиган с бородкой и беременная девочка, и их поймают на месте преступления с серебром общины.

Преподобная Фаррисон вышла в коридор.

- Я не проверила зал общины, - нашла наконец Шерон. - То есть я закрыла дверь, но я не включала свет, а там все эти подарки для бездомных...

Она повела преподобную Фаррисон по коридору мимо лестницы.

- Они могли во время репетиции войти в северную дверь и спрятаться под столом.

Преподобная Фаррисон остановилась у щита с выключателями, щелкнула каким-то - свет в храме погас, но загорелась лампа над лестницей.

"Третий сверху, - отметила Шерон, следя за действиями преподобной Фаррисон. - Пожалуйста. Не надо включать свет в воскресной школе для взрослых!"

Лампы в канцелярии зажглись, в коридоре погасли.

- После Рождества нужно первым делом пометить выключатели, - сказала преподобная Фаррисон. В зале общины загорелся свет.

Шерон дошла с ней до самой двери и, как только преподобная Фаррисон вошла в зал, сказала:

- Вы посмотрите здесь. А я проверю воскресную школу для взрослых, - и прикрыла дверь.

Подойдя к двери воскресной школы для взрослых, она отперла ее, чуть-чуть помедлила, затем снова тихо закрыла. Проскользнула по коридору к щиту с выключателями, погасила свет на лестнице и в темноте кинулась по ступенькам вниз и дальше по коридору, в детскую.

Дети уже встали. Чтобы было легче подняться на ноги, Мария уцепилась за сиденье кресла-качалки, и кресло пришло в движение, но Мария не отпускала руку.

- Пойдемте со мной, - схватив потир, прошептала Шерон.

Чаша была наполовину полна, Шерон оглянулась, потом выплеснула воду на ковер и зажала потир под мышкой.

- Скорей! - открывая дверь, прошептала Шерон, но поняла, что нет нужды торопить их и прикладывать палец к губам.

Они молча быстрым шагом пошли за ней по коридору; Мария, наклонив голову, Иосиф, готовый прийти ей на помощь и защитить.

Они приближались к лестнице, и Шерон боялась даже подумать о том, как они будут подниматься. Она было подумала спрятать их в комнате хора и запереть. У нее есть ключ, и она может попробовать убедить преподобную Фаррисон, что проверила эту комнату и заперла, чтобы никто туда не вошел. Нет, не годится, Иосиф и Мария окажутся в ловушке. Придется подняться с ними по лестнице.

У подножия лестницы она задержалась, оглядела лестничную площадку и прислушалась.

- Надо спешить. - Шерон взялась за перила, чтобы показать им, как идти вверх по ступенькам, и пошла.

Сейчас у них получалось гораздо лучше, они все еще хватались ладонями за верхние ступеньки, но двигались быстро. Преодолев три четверти пути, Иосиф даже взялся за перила.

Шерон тоже почувствовала себя гораздо лучше, она спокойно размышляла, что сказать полиции и где спрятать детей.

Только не в каминной, хотя преподобная Фаррисон туда уже наведывалась. Это слишком близко к двери, а полиция начнет с коридора. И не в храме. Там все на виду.

Шерон остановилась, не доходя нескольких ступенек до верха, и сделала знак Марии и Иосифу, они сразу же застыли в темноте. Почему их все понимают - знаки предостерегающие, призывающие к молчанию или к бегству? "Потому что мир полон опасностей во все времена, - подумала Шерон, - и никогда не знаешь, что ждет впереди". Царь Ирод и бегство в Египет. И Иуда. И полиция.

Прокравшись наверх, она посмотрела в сторону храма, а затем на дверь. Преподобная Фаррисон, наверное, все еще в зале общины. В коридоре ее не было. Если бы она отправилась в воскресную школу для взрослых, то обнаружила бы пропажу потира и подняла бы крик.

Шерон закусила губу и подумала, успеет ли она вернуть потир на место. Для этого нужно решиться оставить детей на лестнице, прошмыгнуть в комнату и поставить чашу в витрину. Нет, слишком поздно. Полиция уже здесь. Шерон увидела через витражное стекло лиловые отблески фар. Через минуту полицейские постучат в дверь, преподобная Фаррисон выйдет из зала общины. Нет, времени не осталось.

Придется спрятать детей в храме, пока преподобная Фаррисон пойдет с полицией вниз, а потом перейти с Марией и Иосифом, но куда? В каминную? Слишком близко к двери. В зал общины?

Шерон помахала, чтобы они поднялись наверх (жест Джона Уэйна [американский

киноактер (1907-1979), снимался в вестернах и военных фильмах] в одном из военных фильмов), и повела их по коридору. Преподобная Фаррисон выключила лампы, но света, идущего от креста на алтаре, было достаточно. Шерон положила потир на последнюю скамью и прошла с Марией и Иосифом вдоль заднего ряда в боковой проход, затем пропустила их вперед, а сама прислушалась, не стучат ли.

Иосиф шел впереди, опустив глаза, словно ожидая, что сейчас снова появятся ступеньки, а Мария подняла голову и устремила взгляд к алтарю. Она смотрела на крест.

"Не смотри туда, - мысленно сказала Шерон. - Не смотри туда". И заспешила к двери цветочной.

Раздался приглушенный звук, словно отдаленный гром, с шумом захлопнулась какая-то дверь.

- Сюда, - прошептала Шерон, открывая дверь цветочной.

Когда преподобная Фаррисон проверяла эту комнату, Шерон стояла на другом конце храма. Теперь она поняла, почему преподобная Фаррисон так быстро вышла. В цветочной и раньше было тесно, а теперь сюда впихнули еще пальмы и ясли и в них свалили остальной реквизит: фонарь трактирщика, одеяло младенца. Шерон отодвинула ясли, их сбитые крест-накрест ножки задели пюпитр, и он опрокинулся. Шерон подхватила его, поставила и, прислушиваясь, замерла.

В коридоре стук. Хлопнула дверь. Голоса. Шерон отодвинула пюпитр и стала проталкиваться с Марией и Иосифом в глубь комнаты; чуть не опрокинув еще один пюпитр, она наконец пробилась с Марией в угол к кусту роз.

Шерон показала Иосифу, чтобы он встал с другой стороны, и прижалась к пальме, пропуская его, потом закрыла дверь и тут же поняла, что совершила ошибку.

Они не могут неподвижно стоять в темноте, а достаточно им пошевелиться, как все кругом с грохотом полетит на пол. И Марии неудобно долго стоять, скорчившись в углу.

Надо было оставить дверь приоткрытой; свет, струящийся от креста, позволял бы им все видеть, и она услышала бы приближение полиции. А с закрытой дверью ничего не слышно, кроме легкого дыхания детей, да еще, когда Шерон попыталась встать поудобнее, задребезжал фонарь. Опять открыть дверь очень опасно, ведь, возможно, Шерон уже ищут. Ей нужно было запереть Марию и Иосифа здесь, вернуться и придумать, как сбить с толку полицию. А теперь преподобная Фаррисон вот-вот хватится ее, а если не найдет, посчитает это еще одним доказательством пребывания в церкви преступников и уж не успокоится, пока полиция не облазит все закутки.

"Может, удастся пройти через хоры, - подумала Шерон, - надо только отодвинуть пюпитры или переставить вещи так, чтобы Мария и Иосиф могли за ними спрятаться, но в такой темноте ничего не получится".

Шерон медленно, осторожно, стараясь держаться прямо, опустилась на колени и нащупала сзади себя ясли. Она водила ладонью по колючей соломе, пока не нашла одеяло младенца. Должно быть, волхвы бросили в ясли свои флаконы благовоний. Когда Шерон вытаскивала одеяло, стекло зазвенело.

Она нагнулась пониже и засунула одеяло в узкую щель под дверью. Затем осторожно выпрямилась и стала искать на стене выключатель.

Нащупала его. "Пожалуйста, - молилась Шерон, - пусть свет зажжется здесь, а не где-нибудь еще". Она щелкнула выключателем.

Они не сдвинулись, даже не пошевелились. Прижатая к розам Мария затаила дыхание, а потом медленно выдохнула, как будто до этого вообще не дышала.

Они наблюдали, как Шерон, стоя на коленях, засовывает под дверь угол одеяла, а затем медленно поворачивается к ним. Вот она протянула руку, взяла один из пюпитров и пододвинула его к стене. Она действовала так неспешно и осторожно, словно обезвреживала бомбу. Шерон снова протянула руку через ясли, подняла пюпитр, поставила его на солому так, чтобы можно было отодвинуть ясли подальше и освободить побольше места. Пюпитр наклонился, и Иосиф помог его выпрямить.

Подняв одну из картонных пальм, она открепила фанерный ствол и поставила его в ясли, а пальму прислонила к стене около Марии. Сделала то же самое с еще одной пальмой.

Немного места освободилось. Остальные попирты так и останутся стоять: их металлические каркасы сцеплены. У внешней стены был высокий металлический шкаф, перед которым наставили горшков с лилиями. Лилии по крайней мере можно поднять на шкаф.

С минуту Шерон внимательно слушала, приложив ухо к двери, а затем осторожно переступила через ясли и подошла к лилиям. Наклонилась, взяла один горшок, поставила на шкаф, но вдруг нахмурилась и остановилась. Потом снова нагнулась и стала водить рукой по полу, будто рисуя полукруг.

Из-за шкафа потянуло холодом. Шерон приподнялась на носки и заглянула за шкаф.

- Здесь дверь, - прошептала она. - Наружу.

- Шерон! - звал приглушенный голос.

Мария оцепенела, Иосиф встал между ней и дверью. Шерон ждала, прислушиваясь, положив руку на выключатель.

- Миссис Энглерт! - снова позвал мужской голос.

Другой мужчина откуда-то издалека сказал:

- Ее машина еще здесь.

А потом раздался голос преподобной Фаррисон:

- Может, она пошла вниз?

Тишина. Шерон прижалась ухом к двери, послушала, а затем боком пробралась мимо Иосифа к шкафу и снова заглянула за него. Дверь открывалась на улицу. Шкаф не придется особенно двигать, только немного, чтобы можно было протиснуться и открыть дверь. Тогда все пройдут, даже Мария. С этой стороны около церкви растут кусты. Можно спрятаться, пока не уедет полиция.

Шерон сделала знак Иосифу, чтобы он ей помог, и вдвоем они слегка отодвинули шкаф от стены. Один горшок с лилией упал, Мария неловко наклонилась, подняла горшок и взяла его в руки, как младенца.

Шерон и Иосиф вновь толкнули шкаф. Теперь внутри что-то забренчало, точно там было полно вешалок, и Шерон показалось, что она опять слышит голоса. Но делать было уже нечего. Она пролезла в узкий проход, подумала: а вдруг заперто... И открыла дверь.

За дверью было тепло. Темное, усеянное звездами чистое небо.

- Что это... - глядя себе под ноги, как-то глуповато произнесла Шерон.

Земля была каменистая. Дул легкий ветерок, донося запах пыли и чего-то сладкого. Может, апельсинов?

Шерон повернулась, чтобы сказать: "Я нашла ее. Я нашла дверь", - но Иосиф уже отодвинул побольше шкаф, сделал проход пошире и повел через него Марию. Мария все еще несла лилию, Шерон взяла у Марии горшок, подперла им дверь, чтобы не закрылась, и вышла в темноту.

Свет из открытой двери падал на землю, по краю освещенного пространства пролегла узкая полоска, которую Шерон приняла за тропинку. Подойдя поближе, она увидела, что это пересохшее русло ручья. За ним круто вздымался скалистый склон. Должно быть, сейчас они в нижней части бассейна реки, и Шерон подумала, не здесь ли Мария и Иосиф заблудились.

- Ботт лом? - сказал позади Шерон Иосиф.

Она обернулась.

- Ботт лом? - разводя руками, как в детской, снова спросил он.

Куда идти?

Шерон понятия не имела. Дверь выходила на запад. Если они действительно находятся в Пустыне, Вифлеем - к юго-западу отсюда.

- Туда. - Шерон показала на самый крутой склон. - Мне кажется, вам надо идти туда.

Они не сдвинулись с места. Они стояли и смотрели на нее, Иосиф немного впереди Марии; они ждали, что Шерон их поведет.

- Я не могу... - начала Шерон и осеклась.

Бросить их здесь - все равно что бросить в каминной. Или под снегом. Шерон оглянулась на дверь, почти желая, чтобы появилась преподобная Фаррисон с полицией... И пошла на юго-запад; она неуклюже карабкалась по склону, туфли скользили на камнях.

Как это им удастся, да еще с осликом, цепляясь за пучки высохшей травы, удивлялась Шерон. Сможет ли Мария подняться по этому склону? Шерон в тревоге обернулась.

Мария и Иосиф шли легко и уверенно, как Шерон по лестнице.

А что, если, поднявшись, они увидят такой же склон или обрыв? И никакой тропинки? Втыкая в землю носки туфель, Шерон поднималась все выше.

Неожиданно послышался какой-то звук. Шерон быстро оглянулась на дверь, но та по-прежнему была полуоткрыта, раму подпирали горшок с лилией, за ним стояли ясли.

Снова раздался скрип, теперь ближе, Шерон услышала шарканье, а потом резкий крик.

- Это ослик, - сказала она, и он засеменил к ней, словно был рад увидеть ее.

Шерон протянула руку и поискала поводья. Их заменяла старая веревка. Ослик подошел еще на шаг и закричал Шерон в ухо: "И-и!" - а потом взвизгнул: "А-а" - и это было похоже на смех.

Шерон тоже рассмеялась и погладила его по шее.

- Не заблудитесь снова, - сказала она, подводя ослика к Иосифу, который ждал там, где Шерон их оставила. - Держитесь тропинки. - И она стала взбираться дальше на вершину холма, уже не сомневаясь, что тропа именно там.

Тропы не было, но это не имело значения. Потому что на юго-западе лежал Иерусалим; далекий и сверкающий белизной в свете звезд, он был озарен огнем сотен очагов и тысяч лампад, а за ним, немного к западу, низко на небе стояли три звезды, расположенные так близко, что почти касались друг друга.

Мария и Иосиф подошли к Шерон и встали рядом с ней.

- Ботт лом, - показывая пальцем, сказала Шерон. - Вон туда, где звезда.

Иосиф снова пошарил за поясом и вытащил кожаный мешочек.

- Нет, - отстраняя мешочек, сказала Шерон. - Он вам понадобится в Вифлееме, в гостинице.

Иосиф неохотно положил мешочек обратно, и Шерон вдруг пожалела, что ей нечего им подарить. У нее нет ни ладана, ни мирры.

"И-а", - крикнул ослик и начал спускаться с холма. Иосиф схватил веревку и пошел за осликом, Мария, опустив голову, - за ними.

- Будьте осторожны, - сказала Шерон. - Берегитесь царя Ирода.

Она подняла руку и помахала им на прощание, рукав ее балахона развеивался от ветерка, подобно крылу, но Мария и Иосиф не увидели прощального приветствия. Они спускались с холма, Иосиф чуточку впереди, Мария, придерживаясь за ослика. Когда они уже почти спустились, Иосиф остановился, показал на землю, и они с осликом пропали из поля зрения Шерон. Но она знала, что они нашли тропу.

Шерон немного постояла наверху, наслаждаясь свежим воздухом и глядя на три звезды, почти слившиеся в одну, а затем спустилась, то и дело скользя по камням и комкам грязи, взяла горшок с лилией и закрыла дверь. Подвинула на место шкаф, вытащила из-под двери одеяло, выключила свет и вышла в темный храм.

Там никого не было. Шерон взяла потир, спрятала его в широкий рукав балахона и выглянула в коридор. В коридоре тоже никого. Она прошла в воскресную школу для взрослых, поставила потир обратно в витрину и спустилась по лестнице.

- Где вы пропадали? - спросила преподобная Фаррисон.

Из детской вышли двое полицейских в форме, с карманными фонариками в руках.

Шерон скинула с себя балахон.

- Я проверяла серебро общины, - сказала она. - Все на месте.

Прошла в комнату хора, повесила балахон.

- Мы заглядывали туда. - Преподобная Фаррисон шла за ней по пятам. Вас там не было.

- Да, я, кажется, слышала ваши голоса у двери, - ответила Шерон.

Когда второй куплет хорала "О город Вифлеем" подошел к концу, Мария с Иосифом преодолели лишь три четверти пути.

- Такими темпами они не приплетутся в Вифлеем и к Пасхе, - прошептала Ди. - Неужели они не могут побыстрее?

- Они придут вовремя, - наблюдая за ними, прошептала Шерон.

Мария с Иосифом медленно шли вдоль прохода, не сводя глаз с алтаря.

- "В тиши, - пела Шерон, - в тиши чудесный дар приходит".

Мария с Иосифом миновали вторую скамью и исчезли из поля зрения хора. На верхнюю ступень алтаря вышел хозяин гостиницы с фонарем, вид у него был мрачный и решительный.

Так Бог дает людским сердцам

Небесное благословение.

- Куда они делись? - вытягивая шею, чтобы разглядеть Марию и Иосифа, прошептала Вирджиния. - Они проскользнули в заднюю дверь или куда-нибудь еще?

Мария и Иосиф вновь появились, неторопливым, степенным шагом направляясь к пальмам и яслям. Хозяин гостиницы стал спускаться по ступенькам, изо всех сил стараясь показать, что он их не ждал и не так уж рад их видеть.

Пусть его не слышен шаг,

Но в мир греха и слез...

Позади, гремя своими клюшками, собрались пастухи, Мириам подала волхвам шкатулку с драгоценностями и флаконы с благовониями. Элизабет поправила парчовый венчик.

Для утешенья кротких душ

Приходит к нам Христос.

Иосиф и Мария вышли на середину площадки и остановились. Стоящий чуть впереди Иосиф постучал в воображаемую дверь, и хозяин гостиницы, широко улыбаясь, пошел открывать.